

Вечер памяти Иосифа Бродского в Лондоне

Русская мысль. - 1997. - 13-15 февр. - с. 14.

Организованный 31 января Школой славяноведения и изучения Восточной Европы Лондонского университета, он отличался от парижского форматом (большой и почти полный лекционный зал), количеством выступавших на нем (10 человек, среди которых — поэты Шеймус Хини и Пол Малдун, литератор и телевизионный ведущий Клайв Джеймс, Наташа Спендер, Татьяна Литвинова и т.д.) и языком (полностью по-английски).

В “приемной” стране, на “приемном” языке, среди людей, большинство которых знали Бродского и говорили с ним только по-английски, он был признан и любим как поэт, собеседник и друг. *“Он любил Англию, и она отвечала ему взаимностью”*, — отметил в своем выступлении Алан Дженкинс, сотрудник “Таймс литерери сапLEMENT”.

Именно на английском — языке, от которого, как сетовал Бродский в эссе “Меньше чем единица”, любой русский поэт, даже воспроизведенный с фотографической точностью, “просто отскакивает, не оставляя видимого следа на его поверхности” (ловушки “вертикального контекста”, которая подстерегает каждого, кто осмеливается жить и писать на иностранном языке), языке, ставшем сначала убежищем, потом предметом, а потом и орудием его творчества, — говорили о Бродском люди, любившие его, дружившие и работавшие с ним за пределами Советского Союза.

Из мозаики их воспоминаний, как в стихотворении Донна или на картине Брака, возникает жизнь. Разнообразные, иногда взаимоисключающие друг друга события, впечатления, высказывания сопрягаются в судьбу. Чем ярче личность, тем шире их спектр.

Вот несколько забавных контрастов, промелькнувших в выступлениях и разговорах в кулуарах. От мороженных (и свежих) пельменей (по свидетельству многих, любимая еда Бродского) в доме у Татьяны Литвиновой и в неизменном китайском ресторане в Сохо — до обеда для избранных в доме высокопоставленного церковного деятеля, где по ритуалу да-

мы удаляются в гостиную по окончании трапезы, оставляя мужчин их сигарам и мужским разговорам (именно в этот момент Бродский яростно набросился на С.П.Сноу, хвалебно отозвавшегося о Шолохове, — из рассказа Наташи Спендер).

От “Дидоны и Энея” Перселла (по мнению устроительницы вечера, Дианы Майерс, именно Бродский познакомил Ахматову с этим произведением) — до “Прощания славянки” (на следующий день после объявления о присуждении ему Нобелевской премии Бродский был приглашен на русскую службу Би-Би-Си для участия в специальной программе, посвященной этому событию. Когда ему предложили выбрать музыкальный фрагмент для передачи, он попросил поставить “Прощание славянки”. К сожалению, в фонотеке русской службы этой записи не было).

От абсолютного неприятия Бродским советского режима и готовности спорить со всяким, кто не понимал механизма тирании (вообще, как заметил Шеймус Хини, в любом споре или обсуждении он моментально “взмывал ввысь” с энергией и убежденностью знающего) — до признания, сделанного Татьяне Литвиновой через несколько лет после переезда на Запад, что иногда он “мечтает наяву” бросить все, пойти в советское посольство и попроситься домой в Питер. К счастью, это желание никогда не было осуществлено и, видимо, с течением лет значительно ослабло.

Конечно, на вечере звучали стихи Бродского и посвященные ему — Ш.Хини, П.Малдуна, К.Джеймса...

Поэт, сказал Бродский, перефразируя Одена, — *то, кем язык жив*. Другая, скажем мы, — те, кем жива память. Судя по событиям последней недели января, у Иосифа Бродского и его языка — вдоволь поэтов и друзей.

МАРИЯ БЭЙКЕР

Париж